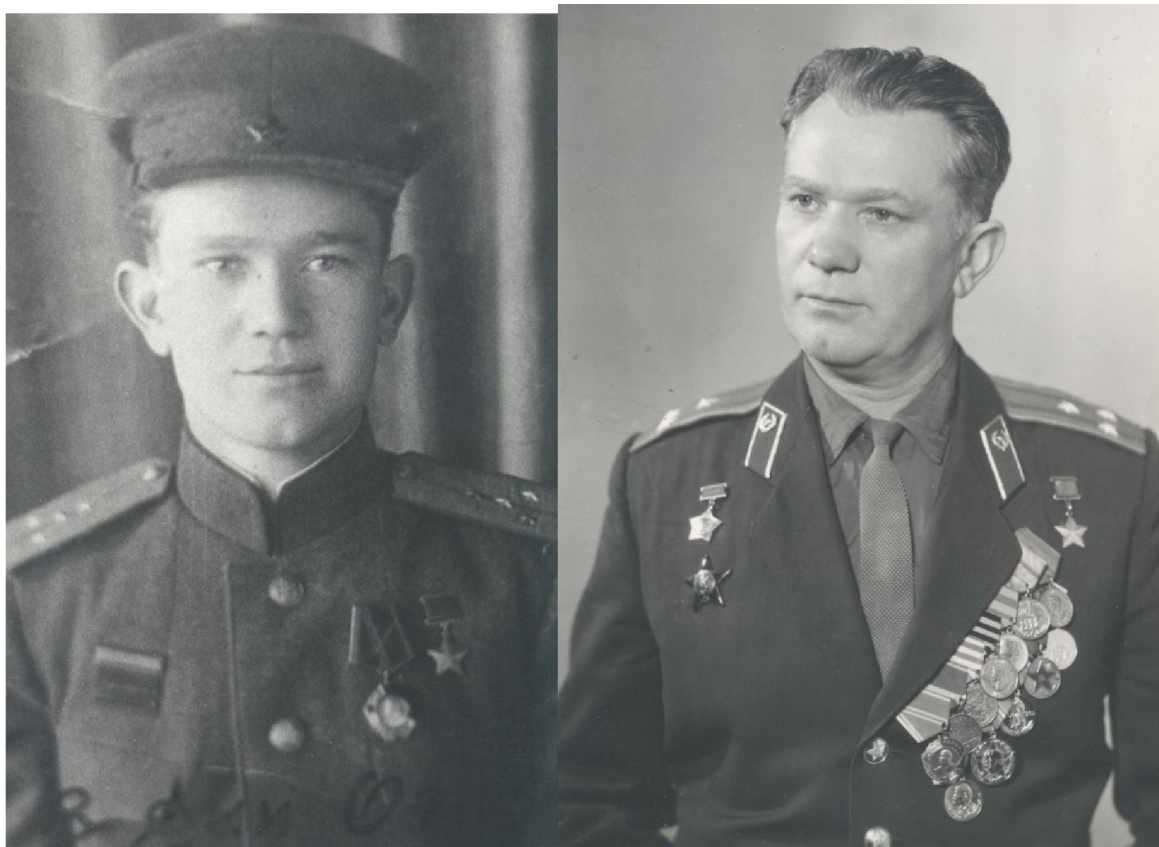

Из воспоминаний Козаченко Алексея Константиновича, Героя Советского Союза, ветерана 237-й Пирятинской Краснознаменной орденов Суворова II степени и Богдана Хмельницкого II степени стрелковой дивизии. Февраль 1976 г.

Козаченко Алексей Константинович.

Левая фотография сделана в 1944 г.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 13, лл. 20-21.

[...] Это было уже давно, более тридцати лет тому назад. [...]

В годы Великой Отечественной войны нежданно моя судьба соприкоснулась с судьбой Вашей дочери Анны: в одном батальоне мы совместно с ней, - и с другими бойцами, разумеется, - уничтожали фашистских гадов, топтавших и осквернявших нашу священную землю. Позвольте поделиться с Вами, уважаемая Акулина Астафьевна, воспоминаниями о Вашей дочери. Эти воспоминания очень дороги для меня, и полагаю, найдут отклик и в Вашем сердце.

Во-первых, преклоняюсь перед Вами за то, что Вы вырастили такую славную дочь. Вашей дочерью можно только гордиться, гордиться ее добротой, ее смелостью, ее любовью к жизни, ее примером можно только восхищаться и нам, и всему молодому поколению, живущему в нашей счастливой свободной стране. Ваша Аня прибыла в наш 835-ый стрелковый полк 237-ой стрелковой дивизии в апреле или мае 1943 года.

По излечении, прямо из госпиталя я был направлен в этот полк командиром стрелкового батальона. Так что и я был там почти новичком. Полк, испытавший до этого множество тяжелых боев, необходимо было пополнять солдатами, сержантами, офицерами, имуществом, оружием и боевой техникой. Разумеется, и наш батальон был далеко не в положенном численном составе. Стрелковые роты, например, были менее чем в половинном комплекте. Был я однажды на своем боевом месте, на наблюдательном пункте. Появился рядом со мной заместитель по политической части майор Филиппов: «Товарищ капитан, пополнение прибыло», – с ликованием в лице доложил он. Обрадовался этому и я. Оставив за себя офицера, я вместе с Филипповым отправился за пополнением на окраину села Капустинцы. Действительно, пополнение прибыло, но далеко не в таком количестве, сколько требовалось для замещения людских утрат. Среди рослых разновозрастных парней, было и несколько девушек. В числе их, как я узнал позже, были: Калюжная Анна Ивановна, Щербаченко Мария Захаровна, Дудник Анна Степановна и Кравцова Нина – отчества не помню. Среди солдат были и новобранцы, и выписанные по излечении из госпиталей, и из учебных подразделений, и из различных тыловых воинских команд. Приняв пополнение для батальона, я обратился ко всем стоящим в строю с короткой речью, охарактеризовав и боевые заслуги батальона, и его теперешнее положение, и его боевую задачу в данный момент. А к девушкам обратился особо:

- Не страшно Вам?

- Нисколечко, товарищ капитан, - почти хором ответили они. Я им подробнее обрисовал состояние батальона в целом и каждой роты особо и подчеркнул, что только стойкость, смелость и отвага всех солдат сообща решат нашу судьбу на данном ответственном рубеже. И тут же распределили девчат по ротам. Ваша Аня была назначена во взвод связи, обслуживавший штаб батальона. С этого момента начался ее боевой путь. Помню нестерпимо знойный день 22 июня 1943 года. Возле хутора Склеры Полтавской области шел тяжелый бой. Грохотали орудийные залпы, до предела уплотняя стоячий воздух, доносился треск автоматов, взрывающихся снарядов и мин, басистые вздохи рвущихся авиационных бомб. Накаленное небо бороздили и наши, и вражеские самолеты. Доносился их то нарастающий, то замирающий гул моторов. В воздухе тоже, оказывается, не смолкала битва. Командир полка Подопригора, вызвав меня к себе, не столько по-командирски, сколько по-отечески сказал:

- Смотри, сынок, как немцы нагло контратакуют на правом фланге нашего 1-го батальона. Наша атака не удалась... силенок маловато!

И я увидел, как семь вражеских танков ползли навстречу нашей поднявшейся пехоте.

- Командир этого батальона погиб, - продолжал командир полка, - старший адъютант тяжело ранен. Третья рота вынуждена отступать... Смотри сюда! Вон на пригорке скирда. Беги туда и останови танки. Как можно быстрее! Тебе помогут, сынок. Давай!

Я кинулся выполнять приказ. С горсточкой солдат подбежал к скирде. За нами увязалась Анна Калюжная с радистом Хренниковым. Над головами зловеще шипели снаряды, пахло гарью, но мы не чувствовали ни всего происходящего вокруг, ни усталости, ни страха. В душе гнездилась твердая уверенность, что успех будет, раз за плечами стоит родной отец - командир полка, который смотрит за нами и обязательно выручит в трудную минуту. Так оно и произошло, через некоторое время

«заговорила» наша артиллерия, по густоте и тяжести выстрелов мы уже безошибочно угадывали «голос» своей сподвижницы и спасительницы. Возле скирды, куда мы быстро добрались, стояла покинутая кем-то противотанковая пушка. Она оказалась вполне исправной. На всякий случай я зарядил ее. Неожиданно из ближайших зарослей бурьяна выскочил наш молодой солдат и испуганно закричал:

- Убегайте, танки внизу, сейчас поднимутся сюда. Раздавят!.. - Солдат был испуган до икоты и, казалось, не способен был видеть вокруг себя реальное.

- Сюда! Немедленно сюда! – волевым голосом прикрикнула на него Анна Калюжная. И он, жалкий и запыхавшийся, подбежал к нам. - Эх ты, Аника-воин! - в сердцах бросила она беглецу и шутливо надвинула ему на нос его же пилотку. Все окружающие захохотали. В этот миг показался вражеский танк. Урча, он лез на пригорок, но не прямо на нас, а несколько в сторону. Мы навели орудие и дали выстрел. Но ... мимо, снаряд перелетел. Танк развернулся уже в нашу сторону, мы вновь зарядили орудие и наводили в лоб приближавшейся громаде. Огонь! Железный зверь сначала замер, потом вроде бы осел на месте, будто притаился ниже к земле, и через несколько секунд вспыхнул. Бойцы ликовали. Искры восхищения излучали и глаза молодого солдата, куда делись его недавние растерянность и паническая трусость. Он осмелел, и что было сил помогал возле орудия старательно и быстро. Одним, только одним выстрелом расправились мы со вторым фашистским танком. Такая же участь постигла и третьего железного зверя, но укрощенного только третьим снарядом. После каждого удачного пушечного выстрела солдат с чувством стыда отворачивался от Ани, лицо и уши его горели, как натертые перцем. Видимо, он понял, какую конфузную ситуацию создал сам себе, да еще перед девушкой. Что значит фронтовая неопытность! Из люков горящих танков, как крысы из щелей, выскакивали гитлеровцы и трусливо бежали в сторону, откуда так лихо выезжали несколько минут тому назад.

Некоторые из них были навечно уложены нашими пулями. Остальные вражеские машины, а их было около шести, повернули обратно. Скрылась и немецкая пехота. Левый фланг батальона, наконец, поднялся в успешную атаку. В этот затишный момент из недалекого конопляника вынесла Анна Калюжная тяжело раненого старшего адъютанта батальона. Для нас этот день закончился освобождением хутора Скляры. Наш батальон захватил 450 пленных гитлеровцев, броневик и три танка. На рассвете вызывают меня в штаб полка. «Видимо, получено какое-нибудь важное сообщение», - подумал я, когда полз от своего КП по влажной и пожухлой траве к ближайшей тыловой тропинке.

Командир полка Подопригора, прежде чем начать серьезный разговор, долго изучающе смотрел мне в глаза. Меня, признаться, мучила такая загадочность, в голову лезла всякая чертовщина, а вдруг я что сделал не так? Но все в душе стало на свое место, когда он начал:

- Так вот, комбат. Вам с батальоном предстоят новые и очень ответственные боевые дела. Слушай..., - и детально объяснил задачу на широко развернутой топографической карте, испещренной синими и красными пометками. - Повторяю, - заключая, сказал он, - операция сложная и трудная. Хорошо подготовьте к ней людей. Кроме храбрости и мужества от ваших подчиненных потребуются исключительная находчивость, смекалка, умение активно и дерзко действовать в любой обстановке. И не только на земле-матушке, но и на воде-тетушке! - улыбнулся он.

- Задача будет выполнена, – ответил ему я.

И вот на опушке леса, в 18-ти километрах западнее Пирятина, выстроен наш батальон.

На загорелых лицах воинов сосредоточенность и нетерпеливое ожидание. Давненько это было!

Но как сейчас вижу на правом фланге строя всегда беспокойного замполита майора Филиппова, за ним стоит один из отважных ветеранов

старший сержант Воронцов, далее более молодые ветераны Телешов, Хренников, Виктор Арышев и другие. А рядом – недавно прибывшие в этот спаянный строй харьковчане Анна Калюжная и Ваня Черный.

Многие стоящие в строю закалились в битвах на Курско-Белгородской дуге, некоторые – в других местах, на других фронтах.

И все вместе взятые недавно были отблагодарены Главкомом Сталиным как бойцы 237-ой стрелковой дивизии, отбившей у врага город Пирятин. Дивизия заслужила благодарность и получила наименование «Пирятинской».

А ныне батальону предстояло осуществить смелую операцию, от успеха которой зависело дальнейшее продвижение наших частей на запад. Нужно было совершить 180- километровый марш-бросок и выйти в район Ржищева, где форсировать Днепр, закрепиться на его правом берегу и удерживать захваченный плацдарм до прихода главных сил. Под прикрытием артиллерийского огня, в одну из темных сентябрьских ночей, наш батальон незаметно для вдавленного противника просочился сквозь его оборону и взял направление на Ржищев, что южнее Киева.

Синий Днепр встретил нас тишиной и ... неприступностью. Подступы к нему по левому берегу охранялись немцами. Вскоре нам удалось установить связь с партизанским отрядом имени Щорса. Отряд нас снабдил лодками и оказывал всемерное содействие в подготовке к форсированию реки. При огромной осторожности для высадки на правый берег готовилась первая группа. В этой группе была и Анна Калюжная. Отправили. Враг обнаружил наш десант в двадцати метрах от берега. Все прыгнули в воду и по шею в ней добрались до берега. За первой группой торопливо последовали остальные группы, пока на правом берегу не оказался весь батальон. Сколько мы в темноте сумели захватить прибрежных высоток, на стольких же и закрепились, подняв среди ночи солидную суматоху среди немцев. Основная часть поставленной задачи была выполнена, но еще труднее предстояло главнейшее – удержать

плацдарм, те клочки земли, в которые вцепился батальон под покровом ночи, оставив позади себя огромную ширь великой реки. Все бойцы знали, что нам предстоит несколько суток держать в своих руках такую землю. [...]

Из своих укрытий мы заметили легковую автомашину и автобус, остановившиеся всего в 30-40 метрах от нас. С шумом из машин вылезли немцы и развернули карты. Перед нами, на расстоянии кинжального огня, весьма заманчивая цель: сорок один гитлеровский офицер на рекогносцировке местности. Впервые и я, и мои бойцы видели так близко «непобедимых» фашистских вояк, перевозносимых по немецкому радио. Возможно, на этом рубеже они решили навсегда остановить Советскую армию - мы не разбирали их разговоров, - но навсегда остались тут сами. Ни одному из них живым не удалось уйти.

Возможно, в немецких тылах вызвало беспокойство долгое отсутствие «рекогносцировщиков», и вскоре в этом районе начались поиски: 32 солдата прочесывали местность и кого-то звали. Мы такое приблизительно предвидели и хорошо подготовились. Постарались заманить ищущих в ловушку. И эта поисковая группа была нами поголовно перебита. Наконец-то гитлеровцы поняли наше местонахождение. По всей видимости, не знали они одного: какими силами мы располагаем.

18 октября 1943 года они обрушили на нас около полка пехоты. Шесть их озверелых атак мы отбили успешно. В одной из наших контратак на нейтральной полосе оставался наш тяжелораненый пулеметчик. Нужно было его унести, так как немцы вот-вот предпримут очередную атаку.

И к пулеметчику во весь рост ринулась Аня.

- Стой! Вернись! – кричали мы ей.

На минуту она остановилась. И ... упала!

- Эх, убили дивчину, гады! – раздалось вокруг.

Нет! Ползет Аня, ползет... Все ближе и ближе к пулеметчику... А бой идет, бой не прекращается. В сторону раненого пулеметчика и ползущей к нему Ани немцы бросили в атаку около роты пехоты. Идет мучительное сближение, где минуты равны вечности. Двести! Сто пятьдесят! Сто метров!

Нам вперед стрелять нельзя – впереди две дорогие нам жизни. И вдруг по атакующим немцам полоснул пулеметный огонь. Откуда? Нет, не от нас! Немцы падают, некоторые повернулись обратно, некоторые ложатся и окапываются. Я припал к биноклю. Смотрю в сторону пулеметчика и Ани. Белые волосы теребит ветер, то закрывая, то обнажая девичью пилотку. А за пулеметом не пулеметчик, а Аня Калюжная, точно такая же Анка из кинофильма «Чапаев», только с развевающимися по ветру белокуроыми локонами. Атака немцев захлебнулась. Ремнем под руки, к нам приближаются ползком две драгоценные жизни: раненый солдат-пулеметчик и уже не пулеметчица, а медицинская сестра Анна Калюжная. Героизм и находчивость девушки наполнили сердца бойцов и гордостью и удесятеренной энергией. [...]

3-го ноября 1943 года Анна Калюжная совершила подвиг – так бы назвал это событие я. Возможно, это и не подвиг, но акт равносильный ему, если он совершен в таких условиях и вошел как вечная сладкая заноза в сердца оставшихся в живых. [...]

Осколком мины смертельно ранена Анна Калюжная. [...]

Она лежала неподалеку от днепровской воды и спекшимися губами шептала:

- Мама! Мама!..

Старшина Мелихов с перебитой рукой и простреленным легким, опустился перед ней на колени:

- Держись насмерть! – проговорил он ей дрогнувшим словно бы чужим голосом. И тут же, взяв автомат и прижимаясь к земле, пополз навстречу атакующим фашистам.

Не имея физических сил, истощенный голодом и бессонницей, непрерывно всматривался в левый берег. Рация уже была брошена без питания. И вот – долгожданные ракеты! Четыре... пять... десять! Десять красных ракет! И только через несколько часов нам стало ясно: это пошли в решительное наступление наши главные силы освобождать город Киев. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 13, л. 9-17. Подлинник. Машинопись.